

В.В. Пенской (Белгород)

КАЗАНСКАЯ ЛОГИСТИКА

3-й КАЗАНСКИЙ ПОХОД Ивана IV 1552 г. наравне с Полоцкой экспедицией десятью годами позднее по праву может быть отнесен к числу крупнейших военных предприятий первого русского царя. Он оказал огромное, если не судьбоносное, влияние на дальнейшее развитие событий в Восточной Европе. Естественно, что столь значимое событие не было обойдено вниманием как отечественных, так и (в меньшей степени) зарубежных историков, и сводная историография «Казанского взятия» насчитывает не один десяток работ – от общих, обзорного характера¹, до специализированных очерков военно-исторического характера², не говоря уже о прочих³. Благодаря работе нескольких поколений историков общая канва событий, связанных со взятием Казани в 1552 г., сегодня представляется достаточно изученной (а анализ историографии вопроса может составить предмет отдельного, весьма обширного исследования, что не входит в наши задачи), поэтому стоит остановиться на некоторых малоизученных или практически не изученных аспектах последней казанской кампании Ивана IV.

К числу таких вопросов можно смело отнести логику этого похода. Изучение технической, «черновой» стороны войны эпохи Средневековья – раннего Нового времени, в особенности той ее части, что имела отношение к организации снабжения действующей армии провиантом, амуницией и фуражом, никогда не составляло сильной стороны отечественной историографии. Это в равной степени касается что гражданской, что военной, более сосредоточенных на анализе политических, дипломатических и чисто военных, касающихся тактики и стратегии, вопросов. Обусловлено столь пе-

чальное обстоятельство было, с одной стороны, общим невниманием к изучению не только и не столько истории «битв и сражений», сколько истории военного дела; с другой же стороны – явной недостаточностью источниковой базы. Но в нашем случае ситуация выглядит несколько лучше. Конечно, подробной разрядной росписи касательно наряда на заготовку припасов, их доставки на «передовую» и порядка их последующего расхода не сохранилось (если таковой вообще был – хотя, судя по приказной переписке конца 70-х гг. XVI в.⁴, нечто подобное в делопроизводственной практике московских приказов должно было быть). Не сохранился и подлинный подробный «дневник» «Казанского взятия» (подобный тому, какой остался от Полоцкого похода 1562/1563 гг.). Однако сохранившиеся свидетельства в нарративных источниках (прежде всего в летописании и записках участника кампании 1552 г. князя А. Курбского⁵) при сопоставлении с материалами разрядных книг⁶ позволяют нам в общих чертах реконструировать довольно точную картину того, как решали разрядные дьяки и подьячие вместе с самим Иваном и его воеводами проблему снабжения немалой государевой рати (а в том, что она была немалая, нет сомнений, хотя, конечно, прочно утвердившаяся в историографической традиции цифра в 150 тыс. русской рати, собравшейся под стенами Казани, очень сильно преувеличена). Впрочем, это и неудивительно, поскольку анализ содержания наших основных источников по истории казанского 1552 г. похода, Никоновской летописи и «Летописца начала царства» позволяет утверждать, что их составители активно и широко использовали материалы текущего разрядного делопроизводства.

Мы не случайно упомянули про масштабы казанской экспедиции, поскольку насчитывающее несколько десятков тысяч «сабель и пицалей» войско (не считая нестроевых – посошных и обозных – кошевых) и столько же, если не больше, лошадей, строевых и обозных, ежесуточно нуждалось в десятках тонн провианта и фуража. С легкой руки имперского посланника С. Герберштейна в историографии и общественном мнении утвердилось мнение о чрезвычайной неприхотливости русского воина и его боевого друга – коня. По его утверждению, они де готовы были довольствоваться во все время кампании (от нескольких недель до нескольких месяцев) немудреной похлебкой из толченого проса, сдабриваемой по возможности кусочком свинины, чесноком или луком (воин) и ветками и прошлогодней травой (конь).⁷ Между тем, по утверждению Л.В. Милова,

в XVIII–XIX вв. «суровый режим очень скудного питания, жесткий режим экономии» для русского крестьянина составлял порядка 24 пуда зерна на душу в год, т. е. около 3200 ккал/сут. Если же принять во внимание необходимость часть зерна отдавать в прокорм коню и домашнему скоту, то этот суточный норматив еще более уменьшался – до 1700–2100 ккал/сут.⁸ Сколько нужно съесть пресловутой овсяной каши, калорийность которой, сваренной на воде, составляла около 120 ккал/100 г, чтобы покрыть минимальную полуголодную норму, легко посчитать, равно как вычислить и потребность при таком расходе в сухом толокне (калорийность ~ 360 ккал/100 г.) на 3–4 месяца похода. Правда, остается вопрос, как долго будет сохранять боеспособность ратник при таком полуголодном существовании – и это в походе, а не во время осадного «сидения»?

Это же касается и коней, которым в сутки требовалось зимой около 4–5 кг овса и 6–8 кг сена, а летом – 30–35 кг травы ежедневно (при условии обычных 30-километровых дневных переходов).⁹

Пренебрежение вопросами логистики могло дорого стоить и не раз уже приводило к срыву кампаний – в этом на личном опыте мог убедиться сын Ивана III Дмитрий Жилка в 1502 г. во время неудачной попытки взять Смоленск, его брат Василий спустя десять лет под тем же Смоленском и князь В.В. Шуйский Немой под стенами Полоцка в 1518 г.¹⁰ Примечательно, что во всех этих случаях с проблемами снабжения сталкивались большие рати, насчитывавшие по 6–7 и более тыс. «сабель и пищалей», не считая посохи и обозных, с не меньшим (если не большим) количеством лошадей. Между тем в казанском походе 1552 г. участвовали значительно большие силы – не пресловутые 150 тыс., но, по нашей оценке, порядка 30–40 тыс. «сабель и пищалей» без учета посохи и обозной прислуги. И хотя развертывание войск для кампании началось еще в апреле, а завершилась она в начале октября (т. е. заняла примерно полгода), однако серьезных проблем со снабжением, способных негативно повлиять на ход событий, а то и вовсе сорвать поход, все же не случилось (хотя, конечно, определенные проблемы были, но об этом ниже). Как русскому командованию удалось этого добиться?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно определить, какими приемами решали воеводы и дьяки проблему снабжения войска провиантом и фуражом. Анализ письменных свидетельств, сохранившихся в нарративных и актовых материалах, позволяет выделить следующие основные способы выхода из ситуации.

Прежде всего, ратные люди (в особенности конница) должны были сами озаботиться тем, чтобы у них в походе было достаточно и провианта, и фуража, которые они должны были заготовить дома перед выступлением на государеву службу. Формула предписания практически не менялась от века – достаточно сравнить соответствующие места из дневника Полоцкой кампании 1562/1563 гг. и государственной грамоты 1673 г. И там, и тут фраза звучала примерно следующим образом: «И всяких чинов служилым людем сказать, чтоб они к нашей государевой службе были со всем наготове, лошади кормили и запасы пасли...».¹¹ При этом стоит заметить, что в рассылаемых на места грамотах указывался и примерный срок, на который ратным нужно запастись «корм людцкой и конский» – как в случае с походом на Полоцк, «на всю зиму и до весны...».¹²

Другой, не менее древний способ выражен чеканной латинской формулой: «Bellum se ipsum alet» (в русских актовых материалах той эпохи у него не менее яркое и выразительное наименование – «сильное имание»). Ратные люди не только на вражеской, но и на своей территории имели право «ставиться» в деревнях и селах вдоль дорог, по которым шли войска, и брать провиант, фураж, подводы и проводников-вожжей – столько, сколько посчитают нужным.¹³ Естественно, что произвольные реквизиции сопровождались злоупотреблениями – даже на своей земле¹⁴, не говоря уже о том, что делали ратные в неприятельской земле, будучи отпущенными своими воеводами «в зажитье» «кормов добывать» – когда никто и ничто не сдерживало их грабительства.¹⁵

Во время похода ратные могли рассчитывать и на «услуги» купцов-«маркитантов», которые в надежде на выгоду и поживу следовали вслед за войском, сбывая ему свой «разноличный многый» товар (в том числе провиант и фураж), а взамен скупая взятые воинами «животы» и пленных.¹⁶

Снабжение войск могло быть переложено на союзников – полностью или частично. Это было все равно менее затратно, чем терпеть «сильное имание» от пускай и дружественных ратных, но все равно смотревших на поселян и посадских с высоты седла.¹⁷

Наконец, на походе, совершая марш по территории, подвластной великому князю, его полки могли рассчитывать на содействие местных властей и самого великого князя, администрация которого заблаговременно рассылала на места указания «по ямом людцкие кормы и конские, часа того, готовити» или же напрямую выдавала ратным все необходимое из великокняжеской казны.¹⁸

Таким образом, к середине XVI в. великокняжеской администрацией и воеводами был накоплен немалый как позитивный, так и негативный опыт организации снабжения войска как во время выдвижения к театру военных действий, так и во время собственно боевых действий на неприятельской территории. Сочетая описанные выше способы разрешения логистических проблем, великокняжеские воеводы и дьяки сумели отладить к этому времени достаточно эффективно работающую «интендантскую» службу, способную не допустить срыва кампании из-за нехватки провианта и фуража. И это при том, что насчитывающим десятки тысяч не только «сабель и пищалей», но и «едоков» ратам приходилось оперировать довольно длительные сроки (по несколько месяцев) на удаленных от своей земли редкозаселенных, с неразвитой инфраструктурой территориях.

Но вернемся обратно к истории 3-й Казанской кампании Ивана IV и к ее логистике. Политический кризис конца зимы – начала весны 1552 г. в татарской столице завершился «казанской изменой». После того, как стало окончательно ясно – казанцы отказываются принять московского наместника, а, значит, задуманной унии не будет и новой войны не избежать, в Москве было принято решение об организации новой военной экспедиции на Казань, которая должна была окончательно решить «казанский вопрос».

Подготовка кампании началась, судя по всему, еще до того, как разрешился кризис в Казани. Проходила она в традиционном ключе. Как писал автор «Казанского летописца», из Москвы «по градом» были разосланы царские грамоты «всем князем, и воеводам, и благородным, и середним же, и обычным готовым быти на царскую свою службу со всяким запасом ратным с конми и со отроки...»¹⁹, причем ратным было повелено «збиратися на Коломну, на Коширу дальним городом Новугороду Великому и иным городом (очевидно, северо-западным – не только Новугороду, но и Пскову, Твери и «тянушим» к ним «пригородам». – *В. П.*), а Московским городом велел (Иван. – *В. П.*) збиратися в Муроме».²⁰ Очевидно, что тогда же рассылаются на места грамоты о сборе посошных людей, конных и пеших, со своими подводами, инструментом и «кормом» (без которых не обходилось ни одно мало-мальски серьезное военное предприятие москвитов). Равным образом были разосланы и соответствующие «листы» о наборе «зборных» с «земли» конных и пеших людей, пищальников и лучников, которые также должны были иметь с собой все необходимые припасы на всю предполагаемую кампанию.²¹

По аналогии с другими походами можно также с уверенностью предположить, что, по крайней мере, часть ратных людей, двигавшихся по весенним дорогам к местам сбора, могла получать на ямах «корм» и фураж по установившейся еще во времена Ивана III «норме» – «на десять лошадей по четвертки овса да по острамку сена» и «на восемьдесят человек яловица, по польосмине круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу...».²²

Уже на этом подготовительном этапе должна была проявиться отличительная черта 3-й казанской кампании. В свое время американский историк У. Мак-Нил отмечал, что «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки...».²³ Казань, стоявшая на Волге, была удобным объектом для московской экспансии, ибо по Волге и ее притокам к месту предполагаемых боев легко можно было доставить водой не только пехоту и артиллерию, но и все необходимые припасы. И если в 1545 г. «наряжаемые» с Новгорода и новгородских пятин пищальники, конные и пешие, должны были иметь «суды», в которых «им корм и запас свой в Новгород в Нижней провадити»²⁴, то и в 1552 г. такой шаг был неизбежен.

В конце апреля 1552 г., если верить автору «Казанского летописца», в Москве был устроен большой воинский смотр. По его итогам Иван IV, «видев же инех вои своих, убозех сущих и нужных всем, не имеющих у себя ни коней воинских, ни кормли, и тех для сотвори полаты свои оружныя и ризныя и житница хлебныя, даваше им до любве их и оружия всякоя, и светлы ризы, и кормлю, и добрые кони ис конюшни свояе преже всего своего пошествия...».²⁵ Надо ли этот пассаж расценивать как оборот речи, или же Иван IV на самом деле взял на себя содержание наименее обеспеченных («малых статей») детей боярских – сегодня сложно сказать, но, судя по дальнейшему развитию событий, второй вариант трактования этой фразы вовсе не исключен.

После смотра началось развертывание войск на казанском направлении: «отпустил государь воевод в судех на Свяягу и велел дела своего беречи и собя государя дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановичя Шуиского и иных воевод» (всего в этой судовой рати было 5 полков с 12 воеводами). С воеводами был отправлен водой в Свяяжск «наряд» (артиллерия с припасами) и, что примечательно (обычно летописи об этом

умалчивают) – «многие свои запасы послал (Иван IV. – В. П.) на перекормление воинству, и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом...».²⁶ И что еще любопытно – участник похода князь А. Курбский вспоминал позднее, что в Свияжск были отправлены водою же и припасы (большая их часть?), которые ратные люди взяли с собой из дома.²⁷

Мы не случайно обратили внимание на это место в летописном рассказе (отметим, что из анализа текста следует, что составители летописи активно пользовались текущей разрядной документацией). Еще раз подчеркнем: то обстоятельство, что Казань находилась на большой водной магистрали, существенно облегчало русским задачу по организации снабжения многочисленной рати. Доставить водой к месту, где развернутся боевые действия, необходимые запасы было не в пример проще и легче, нежели тянуть их на сотнях и тысячах телег по русским дорогам, «качество» которых давно стало притчей во языцех. Наличие же передовой базы, крепости Свияжск, где можно было заскладировать необходимые припасы, позволяло рассчитывать на организацию более или менее бесперебойного снабжения осаждающих Казань войск.

«Казанский летописец» сообщает и еще одну любопытную подробность. Согласно его сведениям, Иван IV «Волгою же отпусти с кормлею и со всяким запасом розным всего великого воинства своего и з болшим стенобитным нарядом огненным, яко да не будет нужда от пищи в всех на долго время...».²⁸ Сопоставив эти сведения с теми, что сообщает официальное летописание, можно сделать вывод, что Иван и боярская дума решили подстраховаться и на всякий случай отправили водою в Свияжск «корм людтцкой и конский» не только для государева двора, но и для остального воинства – и не для одних лишь стрельцов и казаков, но и детей боярских, их послужильцев, сборных людей и посохи.

По ходу развертывания войск планы кампании менялись. Отправив часть воинства и припасов на «восточный», Казанский, «фронт», Иван IV и бояре приняли решение часть войска развернуть на «южном», Крымском «фронте», поскольку поступили известия о намерении крымского хана прийти на государеву украину: «Аже даст бог, итти на свое дело и на земское с Москвы на Коломну в первой четверг, заговев Петрова поста, июня 16 день; и пришед ему на Коломну, с людьми збиратися, которым велено быти на Коломне, и ждати из Крыму вести. И будут про царя крымского полные вести, что ему на

царевы и великого князя украины не быти, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти на свое дело с Коломны х Казани часа того. А не будет вести про крымского царя до Петрова дни, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти с Коломны х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем». ²⁹ К отправке на «берег» в ожидании «прямых вестей» о намерениях крымского «царя» готовились «бояре его (Ивана IV. – В. II.) и жильцы и выбором дети боярские, а в полках Новгородские люди». ³⁰ И когда 21 июня 1552 г. (sic -!) явились «прямые вести» («пришли Крымские люди на Тульские места к городу х Туле») ³¹, собравшаяся рать двинулась из Коломны к Туле.

До большого «прямого дела» между русской и татарской ратью дело не дошло: хан Девлет-Гирей I, узнав о выдвижении главных сил русского войска, «побеже от града с великими срамом», «телеги пометал и вельблуды многие порезал, а иные живы пометал...». ³² 1 июля в Коломне состоялся военный совет, на котором было решено, раз уж хан отказался от своих намерений и «великим спехом» ушел в Крым, бросая по дороге множество загнанных коней ³³, идти государю со всею ратью на Казань. Известие об этом решении вызвало волнение среди новгородских детей боярских. Они «государю стужаючи, а биют челом, что им не възможно, столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывшим, да толику долготу пути ийти, а там (под Казанью. – В. II.) на много времени стояти...». ³⁴

В этом эпизоде обращает на себя внимание недовольство новгородских детей боярских открывшимися внезапно перед ними «перспективами» продолжения похода. К началу июля они находились в кампании по меньшей мере 2,5 месяца (с середины апреля), а если считать еще и с дорогой из Новгорода – и того больше. И если они брали с собою припасов на 3–4 месяца ³⁵, то к этому времени они в значительной степени должны были их израсходовать, «силное имание» было маловероятно (по политическим причинам), а доставка «корма» из новгородских вотчин и поместий по вполне очевидным причинам была более чем затруднительной. Стремясь предотвратить дальнейший рост недовольства и мятеж, Иван (и его воеводы) «велит люди росписовати, хто похочет с государем пойти, и тех государь хочет жаловати и под Казанию перекормити...» ³⁶, т. е. молодой царь обязался взять тех, кто пойдет с ним на Казань с Коломны, на свое государево содержание и кормовое жалование. Предусмотрительность,

проявленная с отправкой весной водой в Свияжск царских ключников с припасами, оказалась совсем не лишней!

Отражение набега крымского хана на Тулу и тульские земли стало переломным моментом кампании. Убедившись в том, что южная, крымская Украина в безопасности, Иван со своим войском, согласно первоначальному плану, двинулся на Казань. На военном совете было решено «идти надвое, вмещения для людем» (выходит, что разделение войска надвое было осуществлено для облегчения его снабжения на марше?), при этом было приговорено «самому государю идти на Володимер и на Муром, а воевод отпустить на Рязань и на Мещеру, а сходиться на Поле за Олатарем...». ³⁷

Поход второй рати во главе с большим воеводой князем И.Ф. Мстиславским проходил в сложных условиях (впрочем, если верить «Казанскому летописцу», и царская рать, выступив из Мурома к месту встречи, испытывала серьезные проблемы со снабжением водой³⁸). Его участник князь А.М. Курбский, бывший тогда вторым воеводой полка Правой руки, вспоминал впоследствии, что князь Мстиславский был послан «со треманадесят тысящей люду чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую, идеже есть мордовский язык», и, «препровозясь аки за три дня мордовские лесы, изыдохом на великое дикое поле». Марш через степь растянулся на 5 недель и был сопряжен с большими трудностями, «гладом и нуждою многою», поскольку, по словам Курбского, взятых с собою во вьюках и переметных сумах сухарей «не стало аки бы на 9 дней»³⁹, после чего войску пришлось больше месяца питаться «ово рыбами, ово иными зверми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб...». ⁴⁰ Лишь встретившись с царскими полками в первых числах августа на Баранчевом городище на Суре-реке, однополчане Курбского «хлеба сухого наядохомся со многою сладостию и благодарением, ово зело драго купующе, ово позычающе от сродных, и приятел, и другов...». ⁴¹ Очевидно, что рать Мстиславского шла налегке, только со вьючным обозом, тогда как царская – с полноценным обозом, включившим в себя и вьючную, и тележную части.

Переправившись через Суру и соединившись, Иван и его воеводы со всей ратью двинулись дальше к Свияжску. Этот марш растянулся, по словам все того же Курбского, на 8 дней (если исходить из путевого «дневника» Ивана IV, 7 дней марша и одна дневка). Проблемы со снабжением оставались, хотя и не настолько серьезные, чтобы вынудить русских повернуть назад – вести о приближении царского вой-

ска быстро распространились среди «горних людей, князей и мырз и казаков и Черемисы и Чюваши», которые поспешили в стан к Ивану с изъявлениями своей покорности.

Жалуя их своей царской милостью и отпуская им их вины, Иван и его советники добились того, что «горние люди» взяли на себя (пусть и частично – по причине малонаселенности местности) снабжение проходящего воинства. Курбский писал потом, что за время марша «нам привожено и, странам езда, добывано купити хлеба и скотов, аще и зело драго плачено», чему изголодавшееся войско было несказанно радо.⁴² Это свидетельство любопытно тем, что, судя по всему, переправившись через Суру, Иван IV воспретил своим ратным людям заниматься «силным иманием»⁴³, пообещав «горним людям», что русские ратные «корм свой и конской купят по цене как продадут, а силно у них не емлют ничего» (стандартный оборот из жалованной грамоты середины XVI в.).⁴⁴ Естественно, что «чюваша и черемиса» не преминули воспользоваться представившейся возможностью нажиться на русских ратниках, поставляя им провиант и фураж по чрезвычайно большой цене.⁴⁵

13 августа 1552 г. царское войско прибыло в Свияжск после тяжелого «многорастоянного пути», и «х тому приехали есмо, – писал Курбский, – воистину, яко во свои домаы от того долго и нужного пути, понеже привезено нам множество от домов наших Волгою мало не комуждо в великих кгалях запасу...». Отправленные прежде водою «суды» с царским «кормом» и «запас», который должны были взять с собою дети боярские, «зборные люди» и посоха, оказались как нельзя более кстати, к месту и ко времени. Более того, здесь, в лагере под Свияжском, разбили свои палатки и шатры купцы-маркитанты, которые, по словам все того же Курбского, «приплыша» безчисленное множество с различными живностями и со многими иными товарами», так что в русском лагере «бьяше всего достаток, чего бы душа восхотела».⁴⁶

«Опочинув» в Свияжске три дня, 16 августа 1552 г. Иван IV отдал приказ войскам «возитися за реку» на «Казанскую сторону». 23 августа главные силы русского войска подступили к Казани и начали осадные работы. В ночь с 24 на 25 августа, отмечал летописец, «бысть буря велика, и шатром царским и по многим полком падшеся, а на Волзе в острове многие суды порозбило, царские запасы и всего воинства». Известие о бедствии, постигшем русский «кош», привело воинство Ивана в уныние и скорбь – третий поход, и третий раз по-

года властно вмешивается в планы и расчеты русского командования и рядовых ратников. Однако Иван (и его воеводы), предусмотрительно подстраховавшись на случай подобного форс-мажора, повелели «из Свяязьского города многие запасы привести, и недостаточным повелеше давати», сняв тем самым на время проблему со снабжением. Но, поскольку осада предполагалась долгой, то Иван отправил в Москву гонцов, «а велит к себе спешити с мною казною и з запасы многими, **и зазимовати хотяше тут** (выделено нами. – В. П.)...». ⁴⁷

Подвозом провианта и фуража из Свяжска и посылкой за припасами в Москву Иван IV и его воеводы не ограничивались. По обыкновению, как только войска разбили лагерь под стенами Казани и начали обустриваться на позициях, в окрестности Казани были разосланы отряды фуражиров-«кормьщиков». ⁴⁸ Однако их действия столкнулись с серьезными проблемами. Готовясь к осаде, казанцы «пожгоша сами посады своя и впряташася со всеми статками своими во град», поступив в строгом соответствии с тогдашними обычаями «как поидет рать, ино хлебы все свозят в городы, а сена пожгут». ⁴⁹

Но даже не эта проблема была самой острой (хотя, безусловно, фуражироваться на местности, предварительно разоренной и опустошенной, большому войску было чрезвычайно сложно). Главная трудность заключалась в действиях оставшихся верными казанцам черемисов и татар, засевших в Арском остроге за городом. Последние, по словам автора «Казанского летописца», не только «выеждя из острогов лестных, стужающе полком Руским, ... наеждяочи на станы, возмущаючи в нощи и в день, убиваючи от вои, и хватаючи живых, и стада конские отгоняючи», но непрестанно нападали на высылаемых из русского лагеря «кормьщиков». ⁵⁰ Как результат, «августа 30, в вторник, умыслил государь послати на тех людей, которые с лесу на полкы приходят на царьские и на корьмовщиков». ⁵¹

Этой экспедиции придавалось тем большее значение, если принять во внимание сообщение Курбского о том, что после бури и гибели значительной части припасов осаждающие испытывали определенные проблемы со снабжением – провианта и фуража не хватало (60–70 тыс. лошадей должны были потреблять ежедневно не меньше 1800–2500 тонн травы, а 30–40-тысячная рать, без учета посохи, в перерасчете на сухари по полуголодной «норме» в 2100 ккал/сут. – около 18–24 тонн, а с посохой и обозными – и того больше), а тот, что был, продавался купцами задорого. ⁵²

Поход сводной рати во главе с князем А.Б. Горбатым увенчался успехом, и, чтобы довершить поражение неприятеля, полностью обезопасить себя от возможных атак с тыла и пополнить запас провианта и фуража, Иван IV и его советники решили отправить сводную же трехполковую рать во главе со все тем же князем А.Б. Горбатым «на Арское место и на острог», которые, по словам А.М. Курбского, находились от Казани и от русского лагеря «дванадесать миль великих». ⁵³ 6 октября экспедиция началась, и очень скоро русские, разгромив неприятеля и взяв укрепленный острог на подступах к Арскому городищу, после чего «воюючи и села жгучи», двинулись к самому городищу и нашли его пустым. Простояв во взятом «месте» два дня, воеводы «роспустили войну» по всей Арской стороне, и, по словам летописца, «повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и много множество христианского полону свободили». При этом, согласно воеводской «отписке», «война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму: села повыжгли и скот их побили и безчисленное множество скота с собою х Казани в полкы пригонили...». ⁵⁴

Курбский к этому сообщению добавил, что разорение богатейшей «Арской стороны» длилось десять дней, и по итогам этого разорения в русском лагере была великая дешевизна на скот. Корову можно было купить за 10 «московок» (т. е. за 5 копеек-новгородок. В 1550 г. в Подмоскowie корова стоила 70 московок⁵⁵), а вола – втрое дешевле коровы. ⁵⁶ Правда, похоже, что разосланным по Арской стороне отрядам «кормовщиков» не удалось раздобыть сколько-нибудь достаточного количества хлеба. Во всяком случае, об этом ничего не сообщается ни в официальном летописании (про скот есть упоминание, а вот про хлеб – нет), ни у Курбского (рассказывая о богатствах «Арской стороны», он восторженно описывает «поля великие и зело преобилные» и множество хлебов, там родящихся, но потом замолкает и больше ничего о хлебе не говорит). Однако, судя по всему, с нехваткой хлеба удалось справиться, поскольку во 2-й половине сентября прибыли первые суда с «кормом»⁵⁷, за которыми Иван IV послал в конце августа после памятной бури.

Таким образом, тщательная предварительная подготовка по заготовке и доставке к месту предполагаемых боевых действий запасов провианта, фуража и иных военных припасов, меры по защите команд фуражиров-«кормовщиков» (в том числе и организация специальной экспедиции по захвату неприятельских скота и хлеба),

своевременная доставка взамен утонувшего или испорченного из-за бури продовольствия, выдача ратникам провианта и фуража из царских запасов и ряд других мер, – все это позволило избежать за время растянувшейся более чем на полгода кампании серьезных, способных сорвать ее, проблем, связанных с обеспечением многочисленного войска. Уроки неудачных кампаний начала XVI в. были в полной мере учтены, и повторения казусов смоленской или полоцкой кампаний 1502 и 1518 гг. не случилось. На этот раз московская «интендантская» служба сработала хоть и не как часы, но с необходимой точностью и эффективностью, обеспечив успешное завершение растянувшейся на 7 лет (если вести ее отсчет от 1545 г.) войны с Казанью.

---

¹ См., например: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. СПб., 1842. Стб. 84–122; Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 176–179; С.М. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. Т. 6. М., 1989. С. 446–462; Хорошкевич А.И. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 104–106; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. V. Ч. I. СПб., 1786. С. 311–424 и др.

² См., например: Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. II. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 131–150; Трофимов Вл. Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 году. Казань, 1890; Stevens Carol B. Russia's War of emergence: 1460–1730. Harlow, 2007. P. 71–72, 78–79 и др.

³ Например, касающихся идеологического наполнения этого похода: Keenan E.L. Muscovy and Kazan: Some introductory remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. P. 548–556; Pelensky J. Muscovite imperial Claims to the Kazan Khanate // *Ibid*. P. 559–576 и др.

⁴ См.: Столбцы дел московских приказов (Городового, Поместного, Разрядного) по управлению Ливонскими городами 1577–1579 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. Т. III. Москва; Варшава, 1998. С. 56–196.

⁵ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000; Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII.

⁶ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. М., 1978.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 243, 247, 249, 401.

⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь. И особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 389.

- ⁹ См., например: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. Т. I. М.; Л., 1976. С. 32–33; Калинин В.И., Яковлев А.А. Коневодство. М., 1961. С. 166, 162.
- ¹⁰ О походах на Смоленск и на Полоцк в 1502–1518 гг. см., к примеру: Пенской В.В. 1) «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 10. С. 73–79; 2) Смоленское «взятие» Василия III // История в подробностях. 2011. № 4 (апрель). С. 6–17; 3) Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. Ч. III. СПб., 2015. С. 355–377.
- ¹¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. VI. СПб., 1857. С. 253.
- ¹² Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 123.
- ¹³ См., например: Каштанов С.М., Робинсон А.М. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // Записки отдела рукописей, Вып. 23. М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1961. С. 256; Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову-монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей, Вып. 25. М.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1962. С. 319.
- ¹⁴ Как это было, к примеру, в 1437 г., во время Белевской кампании Дмитрия Шемяки со товарищи. См., например: Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 106.
- ¹⁵ См., например, описание зимнего 1534/1535 г. похода государевых ратей в Литву (Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 15).
- ¹⁶ См., например: Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 215.
- ¹⁷ Немало таких примеров сохранили псковские летописи. См., например: Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 106–107; Псковская 3-я летопись. С. 195, 198.
- ¹⁸ См., например: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 129–131; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 441–442; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 47.
- ¹⁹ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 103.
- ²⁰ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 73. Ср.: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 120–124.
- ²¹ См., например: Акты служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997. С. 207; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 184; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123.
- ²² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. I. С. 129–131.
- ²³ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 120.

- ²⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. С. 184.
- ²⁵ Там же. Стб. 104.
- ²⁶ Летописец начала царства. С. 73.
- ²⁷ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 34. О характере припасов см., к примеру: Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А.И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. / Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов воевод) 1571–1580 гг. Москва; Варшава, 1998. С. 31–32. Для полноты картины можно привести также список имущества, который был взят сыном боярским Григорием Русиновым в поход: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 198–199. Наличие реки – такой полноводной и могучей, как Волга, – при таких раскладах было истинным спасением!
- ²⁸ История о Казанском царстве. Стб. 104.
- ²⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 135.
- ³⁰ Летописец начала царства. С. 83.
- ³¹ Там же. С. 83.
- ³² Там же. С. 84.
- ³³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 191.
- ³⁴ Там же. С. 191.
- ³⁵ См., например: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 82.
- ³⁶ Летописец начала царства. С. 85.
- ³⁷ Там же. С. 85.
- ³⁸ История о Казанском царстве. Стб. 115.
- ³⁹ Ср.: Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003. P. 17.
- ⁴⁰ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 32.
- ⁴¹ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 32; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 199–200.
- ⁴² Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 32.
- ⁴³ Ср. приказ Дмитрия Ивановича в 1380 г.: «Аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возьмет у кого, и ни единому владу коснется» (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 54). Отметим, правда, что это свидетельство довольно позднее, но даже если и так, то оно все равно фиксирует практику, которая действовала в XV–XVI вв.
- ⁴⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. С. 207.
- ⁴⁵ Ср.: Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. С. 325, 326.
- ⁴⁶ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 34.
- ⁴⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 205.
- ⁴⁸ См., например: Летописец начала царства. С. 100. Ср.: Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 315.

⁴⁹ История о Казанском царстве. Стб. 115; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 130.

⁵⁰ История о Казанском царстве. Стб. 125; Летописец начала царства. С. 100. О серьезных проблемах, которые испытывали русские из-за набегов черемисов и татар, сообщает и Курбский (см.: Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 42).

⁵¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 208.

⁵² Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 42.

⁵³ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 46; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 210.

⁵⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 211.

⁵⁵ См.: Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 136.

⁵⁶ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 48.

⁵⁷ Об этом косвенно свидетельствует все тот же Курбский (Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 62).